

Национальный вопрос и проблема «надёжности» в армии России (XIX — начало XX века)

Уровень боеспособности армии в значительной степени зависит от её лояльности правительству. Все меры по модернизации вооружения, по обучению и воспитанию войск разом обесцениваются, если солдаты не имеют достаточной мотивации. Полки, способные перейти на сторону внешнего или внутреннего противника, опасны для государства, под знамёнами которого они выступают. В многонациональных империях вопрос о преданности вооружённых сил оказывался тесно увязанным с общей обстановкой в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В военной и политической литературе XIX—XX вв. бытовало понятие «надёжность», обозначавшее степень уверенности командования в том, что солдаты и офицеры без различия в их религиозной и национальной принадлежности будут верны присяге при всех обстоятельствах.

Вопрос о верности нерусских (неправославных, нехристиан) в Российской империи приобретал особую остроту в связи с тем, что территория, населённая титульной нацией, составляла срединную часть страны. Пограничные же области были так называемые инородческие, которые в случае международных конфликтов, становились либо театром военных действий, либо ближним тылом действующей армии. Преобладание нерусского населения на национальных окраинах в глазах военных не могло «...считаться благоприятным ни в политическом, ни особенно в военном отношении», исключало возможность территориальной системы комплектования, требовало дорогостоящих перемещений войск из центральной России.¹ Климатические условия Закавказья, Крыма, Средней Азии и Северного Кавказа, Дальнего Востока были причиной высокой смертности военнослужащих, призванных в европейской части России. Ситуация усугублялась регулярной ротацией личного состава (неизбежной при всеобщей воинской повинности) расквартированных там частей, поскольку таковая не позволяла сократить число больных за счёт акклиматизации.

Начиная с последней трети XVIII в. всё большую весомость во внутренней политике Российской империи приобретал так называемый «мусульманский вопрос», представлявший собой комплекс правовых,

¹ *Золотарев А.М.* Материалы по военной статистике России. Население России как источник комплектования армии. СПб., 1889. С. 29.

социально-экономических и идеологических проблем. В военной среде бытовало мнение, что большая часть населения южных окраин империи представляла собой «прекрасный материал» для воспитания солдата, а использование местных людских ресурсов может снизить смертность в Кавказском, Туркестанском и Сибирском округах. В то же время правительство не верило в надёжность инородцев и особенно мусульман, населявших эти регионы.² Со времен шейха Мансура, призвавшего в 1785 г. горцев к священной войне против русских, в Петербурге всех мусульман Кавказа записали в потенциальные союзники всех врагов России. Это отношение к «магометанам» укрепилось после того, как имам Шамиль объединил под зелёным знаменем жителей Чечни и Дагестана. Во время каждого конфликта России с Персией и Турцией правительства по обе стороны границы ожидали общего восстания мусульман.³ Однако каждый раз эти ожидания не оправдывались. Даже массовый переход азербайджанцев под персидские знамёна в 1826 г. во многом объяснялся тем, что русское правительство не обеспечило безопасности своим новым подданным, присоединённым по результатам войны 1804–1813 гг., в 1827–1829 гг. В 1853–1856 гг. в ряде районов Кавказа даже отмечалось снижение боевой активности горцев: они ждали, когда турки сами выгонят русских за Терек и Кубань. За всё время войн на Кавказе не было случая, чтобы предательство одного человека или группы негативно повлияли на исход какой-то военной операции. Самым массовым случаем измены был уход к туркам в 1855 г. тридцати всадников 2-го Конно-мусульманского полка во главе с подполковником Омар-бек-Касымхановым, уроженцем Шемахинского ханства.⁴ Во время Кавказской войны среди дезертиров было немало волжских татар, но зато среди тех, кто обращал оружие против бывших товарищей, явно преобладали этнические русские и поляки. Именно из них состояли отряды телохранителей Гамзат-Бека и Шамиля, ими персидский шах укомплектовал свой ударный «гвардейский» батальон.⁵ Власть упорно относилась к азербайджанцам и северокавказским горцам с большим подозрением, хотя мусульманские милиции принимали активное участие в боях под цар-

² *Мегрелидзе Ш.В.* Закавказье в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси, 1972. С. 111; *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. СПб., 1875. С. 229–231.

³ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Ч. 1. С. 191.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7. Д. 306. Л. 1–2.

⁵ *Лапинский Т. (Теффик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик, 1995. С. 142–144.

скими знамёнами.⁶ В 1840-х гг. практически в каждом отряде, действовавшем в Дагестане, был отряд местной милиции.⁷ Во время Крымской войны около 25 % ополченцев составили жители Азербайджана, которых не смущало то обстоятельство, что им приходится сражаться со своими единоверцами. То же самое можно сказать и о кабардинцах, конные отряды которых неоднократно отмечались в репортажах командования. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на добровольческой основе было сформировано из мусульман три конных полка. В 1861 г. милиция сыграла важную роль в разгроме отрядов чеченских вожаков Ата-бая и Ума-дуга в труднодоступных районах в Аргунском ущелье. Симферопольский, Перекопский и Евпаторийский полки, укомплектованные крымскими татарами, приняли первый бой в 1812 г. на границе и дошли до Парижа. Половина офицеров этих частей пала в боях.⁸ Даже имеющиеся редкие свидетельства об отказах горцев идти на войну с единоверцами всегда сопровождалось дополнительными обстоятельствами. В 1829 г. кумыки отказались идти в ополчение, но, во-первых, это не мешало им и до того, и после сражаться с аварцами и чеченцами, во-вторых, действительной причиной отказа было нежелание стоять в одном строю с ненавистными им терскими казаками, как приказывало командование.⁹ В 1833 г. заявление джарских лезгин о том, что они готовы воевать под царскими знамёнами где угодно, но только не против мусульман, объяснялось опасением оказаться под ударом мюридов.¹⁰

Те, кто акцентировал внимание на крайне негативном отношении мусульман к военной службе и объяснял это исламским фанатизмом, сознательно или по неведению игнорировали целый ряд факторов, влиявших на ситуацию с призывом последователей пророка Мухаммеда в регулярную армию. Во-первых, рекрутчина была страшным пугалом для всех подданных царя вне зависимости от вероисповедания. Несмотря на радикальное изменение ситуации в прохождении службы после 1874 г., стремление уклониться от «почётной обязанности» было столь массовым, что в конце XIX в. в Медико-хирургической академии будущим военным врачам читался даже специальный курс о способах выявления симулянтов и фактов членовредительства. При этом стремление избежать призыва у жителей национальных окраин было не бóльшим, чем у представителей т.н. «коренных» губерний. Во-вторых, у некоторых народов укоренилось

⁶ *Ибрагимбеги Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. (Из военно-политической истории). М., 1969. С. 120–121.

⁷ Акты Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Т. 9. С. 382–385, 387, 390, 394.

⁸ *Измаил Муфтийзаде.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* № 30. 1899. С. 8–13.

⁹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 515. Л. 9–10.

¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 6273. Л. 2–5.

представление о солдатчине, как о суровой каре во многом благодаря действиям правительства, отправлявшего в полки заложников-аманатов от проштрафившихся племён. В-третьих, у большинства мусульманских народов их традиционная военная организация была составной частью организации социальной, и любая реформа первой означала вторжение во вторую. Наконец, в-четвёртых, мусульмане не без оснований ожидали на военной службе сложностей с соблюдением религиозных норм (рацион, распорядок дня, возможность совершать обряды и т.д.). Поэтому все попытки упорядочить набор в милицию на Кавказе воспринимались как введение рекрутчины и вызывали волнения разного масштаба, причём христиане вели себя так же, как и мусульмане.¹¹ Резко отрицательное отношение мусульман-жителей Кавказа к рекрутчине в глазах военных было дополнительным признаком их «ненадёжности». Их не смущало даже то обстоятельство, что болгары, бежавшие когда-то от турецкого гнёта, предпочитали реэмигрировать в Турцию, нежели служить под знамёнами царей, издавна претендовавших на роль защитников христиан.¹²

Априорность представлений о «ненадёжности» мусульман ярко проявилась в истории с репрессиями в отношении аджарцев в 1915 г. За их пособничество туркам правительство без особых разбирательств приняло решение об их массовой депортации. Только достоверные сведения о том, что «...общих враждебных отношений к войскам или администрации со стороны мусульман-аджарцев безусловно не было», что активно помогали врагу не более 1 % местных жителей, что армия отошла без боя, бросив их на произвол судьбы заставили Николая II отменить уже принятое постановление о выселении целого народа «во внутренние губернии».¹³ В 1855 г. военное министерство провело специальное исследование вопроса о мусульманах в казачьих войсках. Была установлена норма — одна мечеть на 300 душ. Впредь муллой мог стать только представитель служилого сословия, чтобы избежать проникновения в ряды мусульманского духовенства враждебно настроенных лиц и тем более, специально посланных агентов. Об этом прямо заявил в своем рапорте на имя военного министра главнокомандующий на Кавказе Н.Н. Муравьёв.¹⁴ Горцам, не состоящим в государственной службе или не находящимся в отставке в офицерских чинах, запрещено проживать в крепостях Грозная, Шатой,

¹¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 262. Л. 22; *Дубровин Н.* Алексей Петрович Ермолов на Кавказе // Военный сборник. 1882. № 5. С. 8; Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3. Оп. 5/3. Д. 10. Предположения для формирования армянских батальонов. Л. 2–12.

¹² *Rumtich А. Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. СПб., 1875. С. 178.

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 12. Л. 48–51.

¹⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. 1855 г. Д. 100. Л. 13, 31 об.

Ведено, Воздвиженская и приобретать там недвижимость. Те, кому она досталась по наследству, обязывались продать её в течение года под угрозой выставления на торги.¹⁵

Память об участии крымских татар в войнах на стороне Турции долгое время являлась важнейшим основанием для того, чтобы каждый раз при обострении отношений между Петербургом и Стамбулом, ставился вопрос о превентивных мерах против возможного восстания коренного населения полуострова. Татар разоружали, поголовно выселяли из прибрежной зоны, отгоняли лошадей за Перекоп.¹⁶ По мнению Таврического губернатора Мертваго отправка татар в армию во-первых, уменьшала численность «ненадёжного элемента», во-вторых, призванные являлись заложниками верности оставшихся.¹⁷ Этот чиновник предлагал с той же целью сформировать «лейб-мурзинскую сотню» из молодых представителей всех местных знатных родов и отправить её в Петербург. Министерство внутренних дел в начале XIX в. полагало, что из коренного населения Крыма можно формировать только местные войска «...и то не на время войны с турками».¹⁸

«Военная политика» в отношении мусульман отличалась двойственностью и непоследовательностью. С одной стороны, для детей горцев, татарской и башкирской знати существовали специальные вакансии в военно-учебных заведениях.¹⁹ Несмотря на крайне настороженное отношение к формированию частей по национальному признаку были созданы отдельные башкирские и крымско-татарские дивизионы.²⁰ С другой стороны, запрещалось иметь более одного офицера-мусульманина в роте или сотне.²¹ Система службы в иррегулярных частях, где состояло большинство мусульман Кавказа, фактически закрывала им путь к штаб-офицерским и генеральским чинам, дававшим право на потомственное дворянство. Дети армянских священнослужителей поступали на службу на правах вольноопределяющихся первого разряда (4 года службы в унтер-офицерах до выслуги первого обер-офицерского чина), тогда как духовные лица мусульманского вероисповедания должны были носить солдатскую шинель 6 лет —

¹⁵ ПСЗ III. Т. 10. № 7141. 22.10.1890.

¹⁶ РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 1030. Л. 6–22; РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 471. Л. 1–6; РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 55. Л. 35–36, 122–123, 132–133.

¹⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 55. Л. 4; *Габаев Г.* Калмыки и татары под знаменами Императора Александра I // Журнал Императорского Российского Военно-Исторического Общества. 1913. № 9–10. С. 425.

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 55. Л. 31–32, 34.

¹⁹ ПСЗ II. Т. 28. № 27428. 07.07.1853.

²⁰ *Габаев Г.* Крымские татары под русскими знаменами // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137.

²¹ ПСЗ II. Т. 35. № 36397. 15.12.1860.

по второму разряду. Если грузинских князей, даже не имевших соответствующих документов, принимали в армию «на правах дворянства», то султаны и беки в аналогичном положении могли рассчитывать только на тот же второй разряд. В 1860 г. это различие стало ещё более существенным, поскольку разница выслуги между первым и вторым разрядом составила уже семь лет.²² Согласно переписи 1897 г. ислам исповедовали около 5 % потомственных дворян. При этом мусульмане составляли непропорционально малую долю в командном составе вооружённых сил. В списках морских офицеров они практически отсутствовали, а единицы, носившие флотский мундир, служили в береговых вспомогательных частях. В 1903 г. среди капитанов армейской пехоты мусульман было 0,9 %, а среди полковников не было вообще.²³

При общем настороженном отношении к лицам, исповедующим ислам, правительство на практике делило их на две группы. Во второй половине XIX в. обучение военному делу волжских, сибирских и крымских татар, башкир считали безопасным с политической точки зрения. Литовские татары даже получили ряд преимуществ перед поляками. На отношении власти к ним не сильно сказалось даже то обстоятельство, что в армии Наполеона Бонапарта действовала отдельная часть, укомплектованная представителями этой этнической группы.²⁴

Мусульман Кавказа в 1880-е гг. признавали пригодными к военной службе только при условии выселения самых беспокойных элементов и неприменения их на турецком фронте.²⁵ До 1917 г. «магометане» этого региона попадали в армию только на добровольной основе и платили специальный налог. Авторы проекта пополнения Терского казачьего войска местными жителями предлагали устраивать им пятилетний испытательный срок, после которого мусульмане переводились в разряд государственных крестьян, а христиане — казаков.²⁶ В проекте формирования Терского конно-иррегулярного полка специально отмечалось, что командирами в Осетинском дивизионе могут быть только христиане, тогда как для других, мусульманских подразделений никаких оговорок не делалось.²⁷

Стойкое недоверие имперских властей к мусульманам было своеобразным зеркальным отражением ситуации на Балканах и в Закавказье,

²² ПСЗ II. Т. 28. № 27616. 18.10.1853; РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 420. Л. 12–18; РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. 1864 г. Д. 41. Л. 2–8; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. 1863 г. Д. 26218. Л. 5.

²³ *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 199.

²⁴ *Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А.* Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в Российской армии и Императорской гвардии. СПб., 2006. С. 138–139.

²⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 23. Д. 15112. Л. 2–5; РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7277. Л. 2–15.

²⁶ АКАК. Т. 4. С. 831.

²⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. 1860 г. Д. 190. Л. 19.

где почти каждый конфликт Турции с сопредельными государствами вызывал выступления христиан-подданных султана. Повстанцы-христиане рассматривались в Вене и в Петербурге как естественные и ценные союзники. Во время войны 1686—1687 гг. сербы присоединились к анти-турецкой коалиции и без помощи австрийских войск освободили свою страну. Прутский поход Петра Великого (1711 г.) во многом объясняется уверенностью царя в мощной поддержке со стороны балканских христиан. В его армию влилось около пяти тысяч молдавских добровольцев, господарь Валахии обещал помощь, восстание охватило Сербию и Герцеговину, черногорцы выставили 10-тысячное ополчение.²⁸ В войнах 1716—1718 гг. и 1735—1737 гг. тысячи сербов и хорватов сражались под знаменами Габсбургов. При появлении русских эскадр в Эгейском море (1768 г.) вспыхнуло восстание в Морее, несколько греческих легионов сражалось плечом к плечу с русскими десантами. Во время следующей русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) греки ждали появления кораблей под Андреевским флагом, чтобы снова взяться за оружие.²⁹ Во время войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. в составе русской армии воевало несколько тысяч молдавских волонтеров, а в 1806—1812 гг. их численность превысила 20 тыс. человек.³⁰ Сходным образом на столкновения христианских держав с Турцией реагировала и Болгария. Отряды добровольцев влились в армию Дибича-Забалканского в 1828—1829 гг. Ополченцы сыграли важную роль в боях 1877—1878 гг. Болгары воевали на стороне Сербии в 1876 г.³¹

Султан имел все основания не доверять своим христианским подданным и на восточных границах его империи. Армяне уже в XVII столетии увидели в России возможного союзника в их борьбе против османского гнёта и за восстановление государственности. Русские войска, действовавшие в Закавказье, пользовались помощью местных единоверцев, отряды армян и грузин участвовали в боях в составе императорской армии.

Член комиссии по составлению «Проекта по управлению Кавказом» Р.А. Фадеев считал, что «...для русского государя грузины такие же православные подданные, как кровные русские, и на войне их можно ставить под ружье всех поголовно, даже с их собственными офицерами». По отношению к мусульманам он был более осторожен: «...В военном отношении, так же как и в гражданском, не должно забывать глубокого различия между двумя половинами края: христианского и мусульманского».³² Недоверие, которое правительство со времён Николая I испытывало к

²⁸ История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55—60.

²⁹ Там же. С. 126, 149.

³⁰ История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинёв, 1956. С. 337, 343, 247.

³¹ История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 246, 294, 301—309.

³² Цит. по: *Ибрагимбеёли Х.М.* Кавказ... С. 120—121.

армянам, на рубеже XIX–XX вв. переросло в опасение того, что их политическая активность в конечном итоге станет угрозой единству империи. В результате принадлежность к христианству в глазах военных стала недостаточным гарантом верности присяге. Отношение военных властей к представителям различных национальностей Кавказа в целом совпадало с позициями российских националистов. Известный журналист В.Л. Величко писал: «Пока мы дорожим своей верой, Грузия нам духовно близка. Эта связь запечатлена также потоками рыцарской грузинской крови, пролитой под русскими знамёнами на ратном поле в борьбе за наше общее дело, за мировую задачу третьего Рима, задачу православной культуры. Пока мы верим в эту задачу и придаём значение своим знаменам, мы должны смотреть на грузин как на братьев и видеть в грузинском народе один из естественных вспомогательных рычагов указанной задачи в Передней Азии».³³ К армянам российские «державники» относились негативно, используя лексику и аргументацию антисемитского характера.³⁴ Армянам запрещалось быть уездными воинскими начальниками, служить в местных и конвойных частях в Закавказском крае, а в каждой отдельной части их численность не должна была превышать пятой части. На караимов ограничения распространялись только как на иноверцев, но, принимая во внимание их немногочисленность, фактически они не имели ограничений.³⁵

Самыми ненадёжными подданными, особо склонными к шпионству, в руководстве военного ведомства считали евреев. Того же мнения были и французские штабные офицеры, предсказывавшие диверсии на железнодорожных путях в тылу русской армии.³⁶

Поскольку армия привлекалась к полицейским операциям, правительство было озабочено возможностью использовать национальные формирования или части с большим процентом нерусских в случае народных волнений. Специальная рабочая группа во главе с начальником управления по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Краснопольским, выяснявшая в 1910 г. возможность призыва в армию инородцев Сибири, особо выделяла вопрос об их надёжности в случае «внутренних потрясений».³⁷ Революционные события в Прибалтике и Закавказье 1905 г. обострили проблему национального состава вооружённых сил. В ноябре 1906 г. военный министр Редигер представил на

³³ Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990. С. 30.

³⁴ Там же. С. 34–35, 45–46, 53.

³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 38. Л. 1–11.

³⁶ Luntinen P. French Information on the Russian War Plans. 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 178–179, 203.

³⁷ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX — начало XX века. Иркутск, 1986. С. 116.

обсуждение записку «О нормах инородческих и иноверческих элементов в войсках по составам военного времени». До того времени ограничения касались только поляков-католиков: их численность в полевых частях не должна была превышать 33 %, а в гарнизонах крепостей — 25 %. Наместник на Кавказе уже добился высочайшего повеления от 16 июля 1905 г., согласно которому тамошних призывников отправляли подальше от родных мест. Такая практика по отношению к уроженцам Эстляндии, Лифляндии и Курляндии исподволь применялась уже с начала 1890-х гг.

При решении вопроса о надёжности той или иной этнической (вероисповедной) группы власти во многих случаях исходили из умозрительных представлений, а не из исторического опыта. Априори считалось, что наличие на сопредельной стороне соплеменников (единоверцев) является веским основанием предполагать, что в случае вооружённого конфликта голос крови окажется сильнее чувства долга. В 1838 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт настаивал на ликвидации бурятских и тунгусских иррегулярных полков, называя их «...опасными по единоверию с заграничными монголами».³⁸ Эти же опасения звучали при оценке возможности призыва бурят в регулярную армию.³⁹ Военный министр А.Н. Куропаткин предсказывал, что «...в случае войны с Германией немецкое население западной части России окажется настолько чуждо России, что рассчитывать не только на его содействие в народной войне, но даже на спокойствие не следует. Несомненным представляется, что большое число немецких запасных чинов или быстро исчезнет в Германию для поступления в состав германских войск или, что ещё хуже, будет мобилизовано на местах жительства для ведения малой войны, порчи дорог, уничтожения запасов, нападения на транспорты».⁴⁰ Такого же мнения придерживались и многие офицеры генерального штаба.⁴¹

Опасения военных по поводу «ненадёжности» национальных формирований принимали характер навязчивой идеи. Заявления о вероятной измене либо приводились без всякого упоминания о прецедентах (крайне редких и по своему значению ничтожных), либо сопровождалось противоречивыми оговорками. Образец тому — рассуждения А.Н. Куропаткина: «...В настоящее время, с пробуждением национальных идеалов даже у небольших племён, нахождение в рядах русской армии инородцев, мечтающих не о величии и славе России, а о великой Польше, Армении,

³⁸ Самбуева Л.В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже отечества. (Вторая четверть XVIII — первая половина XIX вв.). Улан-Удэ, 2003. С. 76.

³⁹ Венюков М. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отношению их к всеобщей воинской повинности // Известия ИРГО. 1874. Т. 10. Приложение. С. 5; Самбуева Л.В. Бурятское... С. 47, 76.

⁴⁰ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 73.

⁴¹ Риттих А.Ф. Племенной состав... С. 163.

Финляндии, или считающих своим отечеством Германию, очень ослабило нашу армию». ⁴² При этом военный министр не приводит конкретных примеров нарушения присяги инородцами. Более того, он неоднократно оговаривается, что представители различных наций беззаветно служили России, «...даже татары... настолько были тверды в присяге, что без колебаний шли против единоверных турок». ⁴³

Стремление к достижению благоприятного соотношения русского и инородческого элемента в частях вступало в противоречие с необходимостью при мобилизации скорейшего развёртывания частей в приграничных районах. Именно эти части должны были принять на себя первый удар противника, имевшего, благодаря более развитой сети коммуникаций, преимущества в скорости подготовки к боевым действиям. Но именно в приграничных районах почти всё население, и соответственно все резервисты были теми самыми «ненадёжными» инородцами и иноверцами. Три пехотные дивизии первой очереди, расквартированные в Прибалтике, почти на 100 % пополнялись местными жителями. В крепостных гарнизонах на 6 812 местных резервистов приходилось только 4 580, которые должны были прибыть из внутренних губерний. В Закавказье ситуация не имела принципиальных отличий. Одна пехотная дивизия пополнялась исключительно за счёт грузин и армян. Другая дивизия получала только 20 % пополнения из русских губерний. Крепости Карс и Михайловская увеличивали свои гарнизоны на 6 450 человек за счёт местных резервов, и 5 000 человек поступали из России. ⁴⁴ Достижение требуемых пропорций по критерию национальности требовало удлинения срока развёртывания на 2–4 дня. Военные резоны уступали политическим. В Петербурге оправдывали это тем, что «...возможно большее сокращение местного элемента в войсках Прибалтийского края и Закавказья с заменой его коренным русским соответственно повысит надёжность этих войск». При этом «надёжность» рассматривалась как невосприимчивость к революционной пропаганде, о чём откровенно заявил начальник Генерального Штаба, полагавший, что 66 % русского элемента достаточно «... для обеспечения надёжности внутренней». ⁴⁵ В частях войск, расположенных в районах с мусульманским населением не должно было быть более 5 % офицеров-мусульман и вольноопределяющихся в каждой части. Для Уфимской и Оренбургской губерний «планка» понижалась до 20 %. ⁴⁶

⁴² Куропаткин А.Н. Задачи... С. 80.

⁴³ Там же. С. 387.

⁴⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 1198. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Л. 55.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 38. Л. 1–11.

Поляки стали первыми, кто проходил службу по особым правилам, связанным с национальностью. При упразднении и раскассировании армии Царства Польского в 1832–1833 гг. почти все её солдаты отправились служить в гарнизонные батальоны «внутренних» губерний, и в полевые части Кавказского, Оренбургского и Сибирского корпуса. После первого рекрутского набора в Польше основную массу новобранцев послали на Кавказ.⁴⁷ Поляков отправляли под пули горцев именно как поляков, не смущаясь многочисленными случаями дезертирства и перехода на сторону врага.

При Николае I принятые на службу офицеры-поляки направлялись только во 2-й и 6-й пехотные корпуса (за пределами Польши). Тогда же установили и предельную численность поляков в каждой части: не более 40 человек в пехотном полку, 30 — в кавалерийском и 10 — в артиллерийской бригаде. В 1844 г. полякам запретили служить в крепостях царства Польского.⁴⁸ В 1850 г. император узнал, что в гусарском эрцгерцога Фердинанда полку все дивизионные и эскадронные командиры — поляки. Царь повелел заменить их русскими офицерами, приказав откомандировать для того 11 человек из 1-го армейского кавалерийского корпуса.⁴⁹

В памяти военных были кампании 1812–1814 гг., восстания 1831 и 1863 гг., среди перебежчиков, воевавших на стороне горцев, было много поляков. Во время осады Шуши в 1827 г. на стороне персов дралась целая часть (генерал Клюгенау считал, что — целый батальон), состоявший из русских дезертиров, многие из которых на самом деле были поляками. В 1857 г. возле Туапсе высадился отряд численностью около 150 человек, состоявший большей частью из поляков и венгров, участников восстаний 1831 и 1848 гг. под начальством Т. Лапицкого. На ход войны эта акция влияния не оказала, но способствовала росту антипольских настроений. Поэтому совершенно прав Л.Е. Горизонтов: «Руководители военного министерства, которое в милитаризованной Империи занимало особое место, не замыкались в сугубо армейской сфере... Можно не удивляться, что координирующая роль в разработке антипольских нормативов принадлежала именно военным».⁵⁰

В 1861 г. в трёх корпусах 1-й армии, расквартированной на территории Царства Польского, западных и юго-западных губерний, местные уроженцы-католики составляли соответственно 42, 41 и 22 % офицеров,

⁴⁷ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 38.

⁴⁸ Там же. С. 39.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19211. Л. 3.

⁵⁰ Горизонтов Л.Е. Парадоксы... С. 62.

а также 75, 66 и 80 % рядовых.⁵¹ Как показали дальнейшие события, подавляющее большинство из них являлись верными слугами престола, и ни одна часть целиком не примкнула к повстанцам. Однако и тревожных сигналов оказалось предостаточно. К лету 1858 г. военная организация в самой Польше насчитывала 200–300 человек.⁵² В 1861 г. только «по неблагонадёжности» 1-ю армию покинуло 23 офицера.⁵³ При этом следует помнить, что командование старалось «не выносить сор из избы» и предпочитало избавиться от офицера, замеченного в связях с «карбонариями», под каким-нибудь благовидным предлогом.

Уже в конце 1860 г. начались переводы офицеров-поляков во внутренние регионы России, но они не приняли массового характера до самого начала восстания.⁵⁴ Во время восстания 1863–1864 гг. из 108 офицеров-«изменников» только 10 значились православными.⁵⁵ Переход офицеров-поляков на сторону повстанцев, участие их в революционных организациях произвели сильное впечатление на руководство военного ведомства. Развёрнутая программа ограничения влияния поляков в русской армии содержалась в письме Военного министра Д.А. Милютин к А.П. Безаку от 25 января 1865 г. В ней среди прочего говорилось: «... сколько правительство ни оказывало снисхождения к офицерам польского происхождения, служащим в наших войсках, однако многие из них не только не оценили этого, но напротив, выказали прямое нежелание оставаться верными данной ими присяге. Были случаи, что некоторые офицеры отказывались исполнять свои обязанности даже во время боя, ссылаясь при этом на данное им в 1861 году дозволение просить перевода внутрь России». Разрешённая в 1850 г. норма офицеров польского происхождения в одну треть командного состава признавалась чрезмерной. По мнению Милютина «...опыт доказал, что такого числа ныне допустить нельзя».⁵⁶ Предполагалось радикальное, трёхкратное уменьшение данной нормы. Теперь в каждой части поляков не должно было быть более 10 % общего штатного числа военнослужащих. Такое изменение нельзя было провести одним махом. Предполагалось немедленно прекратить производство юнкеров и вольноопределяющихся-католиков, не определять поляков на службу из отставки, не переводить их из части в часть до достижения требуемой пропорции.⁵⁷ В частях, где менее 7 офицеров

⁵¹ Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964. С. 17.

⁵² Миско М.В. Польское восстание 1863 года. М., 1962. С. 44, 98, 120, 127.

⁵³ Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение... С. 19.

⁵⁴ Там же. С. 222.

⁵⁵ Там же. С. 163, 165–169.

⁵⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2832. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

вообще не должно быть поляков. Католики изгонялись из штабов всех уровней, поскольку там имелись секретные документы, а также из канцелярий губернских воинских начальников. Эта мера распространялась на адъютантов, на заведующих оружием, квартирмейстеров, и на казначеев, даже если последние были выбраны обществом офицеров. Впредь поляки не могли служить в крепостях, в крепостных полках и артиллерии, комендантских управлениях в местных парках и складах и в инженерных командах. В этот документ явно политической направленности, оказалось включённым положение, не имеющее к верности монарху никакого отношения. Полякам запрещалось служить «...в интендантских управлениях и подведомственных им местах, как представляющих наиболее случаев к приобретению денежных прибылей». Репрессии эти коснулись даже части отечественной военной элиты — Генерального Штаба: «Меры этой не распространять на офицеров генерального штаба, но преимущественно назначать их для занятий с учёной целью: на съёмки, триангуляции и проч.». Военный министр указывал, что вопрос о поступлении поляков в Академию генерального штаба, об их службе в технических структурах артиллерийского и инженерного департаментов будет решён особо. Нижних чинов, поступивших на службу рекрутами, разрешалось допускать к экзамену на первый офицерский чин только в том случае, если в части, где они состояли, было менее 10 % поляков.⁵⁸ В составе профессоров военных академий поляков должно было быть не более 10 %, а среди слушателей — не более одного поляка на курсе.⁵⁹ В самой армии «...в военном и товарищеском быту тяготились этими стеснениями, осуждали их и, когда только можно было, обходили их». ⁶⁰ Поляк Довбор-Мусницкий, желая окончить высшее военное образование, скрывал вторую половину своей фамилии и выдавал себя за лютеранина.⁶¹

Для уроженцев Прибалтики (немцы, латыши, эстонцы, шведы и финны «рассчитывая их вместе общим числом») был установлен двадцатипроцентный лимит во всех частях, военно-учебных заведениях и управлениях, расположенных в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. На должности уездных воинских начальников в этих губерниях местные жители не допускались вообще.⁶² После 1864 г. польских рекрутов не брали во флот, но перед офицерами-поляками морское ведомство открывало бóльшие возможности, чем военное.⁶³ Ограничения по ре-

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 38. Л. 18.

⁶⁰ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 210.

⁶¹ Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М., 1948. С. 106.

⁶² Федор Савич. Меры по отстранению вредного влияния поляков на русское общество. СПб., 1865. С. 234—235.

⁶³ Горизонтов Л.Е. Парадоксы... С. 55.

лигиозному признаку касались не только католиков, но и женатых на католичках. 25 мая 1888 г. Александр III утвердил «Расписание войск, военных управлений, заведений и учреждений, с показанием допускаемого в составе их числа офицеров, классовых медицинских и немедицинских чиновников и вольноопределяющихся, принадлежащих к иноверному населению», в котором из 94 пунктов 80 были адресованы католикам.⁶⁴ Одним из способов повышения надёжности национальных формирований было назначение в них русских командиров. Во главе Крымско-татарского дивизиона поставили подполковника В.А. Полторацкого, «не титульными» были и следующие командиры 1874–1900 гг. (А.Д. Волковский, А.Д. Милютин, Ф.Н. Бабарыкин, Е.Е. фон Транзе, Л.Ф. Баумгартен, С.И. Пушкин, В.Т. Карташов). Вообще за 25 лет существования этой части в ней состояло всего 12 офицеров-мусульман.⁶⁵ Назначение русских офицеров на командные должности объяснялось не только недоверием к инородцам, но и необходимостью адаптации национальных формирований к военному быту. Об этом ясно говорят слова указа о создании башкирских полков в 1812 г.: «Полковых командиров и прочих чиновников выбрать из башкирского и мещеряцкого народов; но как не весьма много найдётся знающих хорошо русский язык; то недостающее за тем число дополнить из Оренбургского войска. Равномерно дать из онога несколько человек казаков в каждый полк, для ведения порядка службы и внутреннего благоустройства, а также в полковые квартирмейстеры и писаря...».⁶⁶

В 1907 г. под председательством инженер-генерала Вернандера обсуждался вопрос о судьбе крепостей (развитие, упразднение и т.д.). Одной из важнейших причин негодности Свеаборга как опорного пункта в Прибалтике была названа враждебность местного инородческого населения. По той же причине было сказано о нецелесообразности модернизации укреплений Варшавы, Выборга и Либавы.⁶⁷ И вновь, как при обсуждении вопросов о «русском» элементе в войсках, военные резоны уступили политическим. Несмотря на то, что дефицит средств диктовал преимущественное финансирование полевых войск, никаких радикальных решений насчёт упразднения бесполезных (и при этом отягощавших бюджет) крепостей принято не было. Во многом это объясняется одной из заключительных фраз Журнала совещания от 11 февраля 1907 г.: «Современная обстановка ни политически, ни в военном отношении не позволяет думать о разрушении того, что 75 лет созда-

⁶⁴ Там же. С. 61, 63.

⁶⁵ *Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А.* Долг. Отвага. Честь... С. 188–189.

⁶⁶ ПСЗ I. Т. XL. № 25201.

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1198. Л. 314, 337, 339, 366.

валось для обороны Привислинского края...».⁶⁸ Здесь обращает на себя внимание тот факт, что политические резоны стоят на первой позиции, а точкой отсчёта усилий по обороне Польши назван 1832 г. — год ликвидации польской автономии, время, после которого удержание поляков в покорности становится одной из задач русской армии, стоящей на западных границах империи.

Летом 1914 г. военное министерство подготовило секретный доклад «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобождённого от неё до настоящего времени». Прежде всего, составители этого документа категорически отвергли идею формирования национальных частей, поскольку это «...не отвечает ни политическому, ни внутреннему положению России». При составлении доклада учитывались воинские традиции народов, опыт привлечения их к службе в иррегулярных войсках, мнения полиции по поводу политической надёжности, причём позиции армии и полиции далеко не всегда совпадали.⁶⁹

Военно-стратегическое положение Финляндии превращало её в театр военных действий только в одном случае — при вступлении Швеции в войну на стороне Германии или Англии. Это обстоятельство заостряло вопрос о надёжности частей, укомплектованных местными уроженцами: их командный состав был почти сплошь шведским, а в некоторых частях по-шведски говорила и почти половина солдат. Ещё в начале XIX в. комиссия сейма в Борго писала, что при войне со Швецией нельзя было бы выставить финское войско, поскольку «...едва ли он (финский народ. — В. Л.) пойдёт с оружием в руках на своих собратьев».⁷⁰

Ещё до обострения вопроса о финляндской автономии правительство России делало шаги, которые свидетельствовали о возрастающем недоверии к национальным формированиям. До 1831 г. на знамени Лейб-гвардии Финского батальона на груди двуглавого орла вместо московского герба помещался финский лев. Затем последовало геральдическое «понижение»: льва передвинули в углы знамени вместо вензелей, а в центре оказался Георгий Победоносец.⁷¹ Вскоре после сформирования в 1854 г. поселённые финские батальоны без официального объяснения причин были переодеты из своих традиционных светло-серых мундиров в «общероссийские» зелёные. По мнению некоторых финляндцев эта форма показалась правительству «слишком национальной».⁷² При огромной значимости симво-

⁶⁸ Там же. С. 335.

⁶⁹ *Исхаков С.М.* Первая Мировая война глазами российских мусульман. Материалы международной конференции «Россия и Первая мировая война». С. 4.

⁷⁰ *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Александра I. СПб., 1909. С. 425.

⁷¹ *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Николая I. СПб., 1916. С. 83.

⁷² *Бородкин М.М.* Война 1854—1855 гг. на Финском побережье. Исторический очерк. СПб., 1904. С. 78.

лических актов в сфере военной атрибутики такие меры являются почти всегда так называемой надводной частью айсберга.

Отношения финляндского общества к России были отягощены воспоминаниями об ужасах прошедших войн, причём русские были единственными врагами, когда-либо вторгавшимися на землю Суоми. Время после 1809 г. здесь стали называть «когда пришли русские...». Особо высокого градуса в правительственных и военных кругах России достигало недоверие к финляндцам в последней трети XIX — начале XX в. Известие об упразднении финских войск в 1901 г. было с удовлетворением воспринято в российском обществе: «...Россия помнит, к чему привела нас польская национальная армия, помнит, на чём воспитывались финские батальоны, маршировавшие под звуки своей марсельезы- Бьернеборгского марша. Армия должна быть едина и проникнута одним духом, одушевляемая одним патриотизмом. Финляндские же войска знали только свой провинциальный патриотизм, их родина кончалась у р. Сестры, а далее для них начиналась земля «восточной соседки» России. Таких войск нам не надо!» — писал известный публицист М. Бородкин.⁷³

В середине XIX столетия коммеморативный комплекс войны 1808—1809 гг. стал частью доказательств особого статуса этой части Российской империи. 14 июля 1864 г. в годовщину поражения русских войск у Лапуа 14 июня 1808 г. там открыли памятник, построенный на частные средства, и начали сбор пожертвований на монумент в память о сражении при Парасальми в 1789 г.⁷⁴ Надпись на обелиске в Лаппо гласила: «Здесь сражались финские герои, жертвуя жизнью за свою свободу. Их сыновья поставили им памятник, поклявшись умереть так же, как умерли они».⁷⁵ В 1885 г. появились памятники на месте битв при Кольенвирта 27 октября 1808 и при Юутта 13 сентября 1808 г., в 1893 г. — обелиск в память о погибших в бою при Оравайнене. Явная антироссийская направленность этой кампании настолько обеспокоила правительство, что Александр III запретил ставить памятники без высочайшего разрешения. Несмотря на этот запрет в конце XIX — начале XX в. в Финляндии появились ещё несколько монументов, напоминавших о войне 1808—1809 гг. (См.: *Витухновская-Кауппала М.* Память о финской войне в России и Финляндии // *Россия XXI.* 2008. № 1). С. В проекте закона «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобождённого от неё до настоящего времени», обсуждавшегося в ноябре 1915 г. в Совете министров, освобождение финляндцев от призыва в

⁷³ *Бородкин М.М.* К военному вопросу Финляндии. СПб., 1907. С. 7–8.

⁷⁴ *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Александра II. СПб., 1908. С. 436–437.

⁷⁵ *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный путеводитель по Финляндии, Швеции и Норвегии. СПб., 1914. С. 190.

армию прямо объяснялось политическими причинами. «...Признавалось несвоевременным и опасным проводить через ряды армии инородческое население, либо в силу недавнего присоединения этих инородцев к России (инородцы Кавказа и Туркестана), либо вследствие их стремлений к самостоятельному политическому существованию (финляндцы)».⁷⁶

Проблема финских войск играла важную роль в общей политике правительства по отношению к Финляндии. Мы полностью разделяем мнение финского историка М. Клинге о том, что «...император мог терпеть особое положение Финляндии, и Россия мирилась с этим, но лишь при том важном условии, что финны будут демонстрировать свою лояльность в вопросах обороны империи и внешней политики. Позиция, занятая сеймом, поставила эту лояльность под вопрос».⁷⁷

Двойственность имперской политики по национальному вопросу в армии в полной мере проявилась в позиции и практических действиях военного министра Д.А. Милютина. С одной стороны, он выступал за правила призыва, единые для всех национальностей и вероисповеданий (правильнее сказать — за минимизацию исключений из этих правил). С другой стороны, в его действиях явно проявлялось недоверие «инородцам», что в целом с пониманием воспринималось военной элитой того времени. Поскольку законодательное оформление ограничений было неудобно с политической точки зрения, стали применяться разного рода секретные циркуляры, позволявшие начальству решать вопросы, не запуская громоздкого механизма законотворчества. Так в 1880 г. военный министр объяснил командующему Варшавским военным округом, что «...желательно избегать назначать в крепости врачей из евреев; но об этом следует сообщить надлежащему начальству секретно, не объявляя в виде правила».⁷⁸

В армии национальный вопрос, заявлявший время от времени о себе ещё в первой половине XIX столетия, обострился при введении всесословной воинской повинности в 1874 г. Военный министр Д.А. Милютин был убеждённым сторонником унификации норм службы, поскольку считал армию средством воспитания населения и русификации всех «инородцев», действенным средством укрепления государственного единства. Поскольку отступления от общих правил призыва фактически оказывались льготами, они, по мнению главы военного ведомства, становились опасными поблажками явным и скрытым сепаратистам. Противоположные позиции занимали те, кто признавал в принципе армию как «школу нации», но отрицал возможность

⁷⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. 1915 г. Д. 840. Л. 11—11 об.

⁷⁷ Клинге Матти. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 393.

⁷⁸ Цит по: Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. 1827—1914. М., 2003. С. 179.

немедленной унификации воинской повинности, ссылаясь на разницу в уровне культурного развития и политической лояльности представителей различных этносов и конфессий. К их числу принадлежали известный публицист Р.А. Фадеев, наместники на Кавказе А.И. Барятинский, А.М. Дондуков-Корсаков и др.⁷⁹

При решении «национального вопроса» в вооружённых силах второй половины XIX — начала XX в. правительство оказалось перед дилеммой. С одной стороны, распространение воинской повинности на всё население империи и её унификация рассматривались как инструмент укрепления государства и как способ облегчения бремени повинностей, ложившихся на русских (в понимании того времени). С другой стороны, военное обучение инородцев и иноверцев грозило потрясениями, возможными проблемами в случае международных конфликтов. При попытке найти выход из сложившегося положения власти России отдавали явное предпочтение политическим резонам.

⁷⁹ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–16; Ф. 573. Оп. 6. Д. 7277; Ф. 932. Оп. 1. Д. 456. Д. 411; Фадеев Р.А. Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1. Паг. 3-я. С. 201.